

УДК 9(571.53)(003)+75(569.4)(092)Арбитман

Пока мы молодые (Отрывки из воспоминаний)*

С. А. Арбитман

Аннотация. Перу С. А. Арбитмана принадлежат несколько биографических произведений: «Что было, то было», «Саша, Сашенька, Александр». Предлагаемые читателю отрывки из книги воспоминаний «Пока мы молодые» охватывают студенческие годы автора, которые прошли в Иркутске в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века.

Ключевые слова: Иркутск, мемуары, горно-металлургический институт, студенчество.

Вот захотелось написать про мою институтскую юность. Для кого, для чего? – право, не знаю. Но захотелось, и все.

Школу я окончил в далеком 1958-м году. Почти 60 лет назад. Страшно представить, как быстро пролетают года. Но в голове, в мозгу – в этом странном компьютере – существуют полки с долговременной памятью, и сидят там воспоминания, ощущения всякие и оценки тех или иных событий. И память о том, какие мы были молодые, здоровые, веселые и беззаботные, лежит на этих полках, вызывая изредка горечь о быстротечности жизни и об упущенных возможностях...

Печально, но после школы я не знал, куда пойти учиться. Одно я знал четко, что в гуманитарии не пойду. Мы долго обсуждали на семейном совете, кого из меня делать, и, наконец, решили, что надо подавать документы в Горно-металлургический, на специальность Горная электромеханика.

– А что, нормальная специальность, – поставил точку отец. – Можно и электриком работать, и механиком. И работать где-нибудь в Черемхово, горняки хорошо зарабатывают.

Я не очень представлял себе, что такое горняцкое дело, вернее, вообще не представлял. Но раз решили – пойду в электромеханики.

Проходной балл был 23, я набрал 24. Все в порядке, меня зачислили в институт. Процесс зачисления был обставлен солидно. Вызвали в кабинет, за столом несколько человек из администрации, деканата, ну, и из партии с профсоюзом и комсомолом. Как без них? Спросили, почему пошел в этот ВУЗ, отношение к партийным решениям и к политике внешней и внутрен-

---

* Подготовлено к печати С. И. Кузнецовым. Орфография и стиль автора сохранены.

Арбитман Соломон Абрамович (род. в 1941 г.) В 1958–1963 гг. – студент горно-металлургического института в Иркутске. Более тридцати лет работал инженером на одном из заводов в г. Ангарске. В настоящее время живет в Израиле.

ней, посмотрели экзаменационный лист. Один от партии спросил, почему по немецкому языку четверка?

– Да я забыл, как на немецком Китай.

– Это не есть хорошо, – насупился большевик. – Китай – наш самый большой друг в социалистическом лагере, нас с китайцами полмира.

Неожиданно вступил в разговор декан:

– Все, достаточно. Вы приняты в первую группу ГЭ нашего факультета. Сегодня 20-е августа, 22-го формируется группа первокурсников, и вы отправляетесь на месяц на сельхозработы. С вами будет куратор, сегодня в шесть вечера в аудитории 102 собрание, вам там все расскажут. Поздравляем с зачислением, товарищ студент!

Институт в то время был не очень большой. Примерно две с половиной тысячи студентов. Это сейчас он, сменив три раза название и добавив массу специальностей и факультетов, разросся до сорока тысяч. А тогда на курсе было четыреста-пятьсот студентов, преподаватели в течение первого семестра запоминали почти всех на потоке, и это было здорово.

В институте было четыре корпуса. Строго говоря, настоящим можно было считать только Главный корпус, который располагался в старом двухэтажном здании рядом со сквером Кирова. В этом здании до революции располагалось Промышленное училище. Второй корпус был размещен в здании по улице Ленина, бывшем Сибирском отделении Банка России, напротив гостиницы «Сибирь». Третий корпус был лабораторный, несколько аудиторий на первом этаже здания по той же улице Красной Звезды (ныне Сухэ-Батора. – *Ред.*), что и Главный корпус, на углу Желябова. Потом это здание снесли, и на месте этих домов построили гостиницу для интуристов под названием «Ангара». Ну, и четвертый корпус – это вообще анекдот, несколько комнат в общежитии по улице Желябова. Вот мы и бегали из одного здания в другое, с лекций на лабораторные или практику.

Наиболее приятным было перемещаться из Главного корпуса во второй корпус напротив гостиницы. Дело в том, что на углу рядом со зданием Восстисбуголь стоял «павильон» Пиво – Воды, ну, пивнушка, если просто. В это заведение заскакивали студенты хлебнуть в перерыве пивка, заглотать пирожок, да и преподаватели тоже не гнушались. И часто можно было видеть, как профессор математики или преподаватель сопромата раскланивался со студентами и говорил строго:

– Коллеги, если у вас занятия, не увлекайтесь! Кружечка не повредит, но не более.

Вот было время! Я вспоминаю это почти со слезой в глазах. А во дворе Главного корпуса располагался флигель, в котором была контора института и касса, предмет повышенного интереса студентов. Там выдавали стипендию, которая называлась или «пенсия», или «степа». Кто-то из студентов первым узнавал, что начали выдавать стипендию горному факультету, он влетал в аудиторию и радостно орал:

– Ребята, «степу» дают, там уже очередь!

И мы, бросив все, бежали в кассу. Стипендия была 29 рублей, а повышенная 40. Для сравнения могу сказать, что моя мама, работавшая в магазине кассиршей, получала 60 рублей в месяц. На стипендию прожить было трудно, но можно. Значительно спасала ситуацию студенческая столовая. Хлеб там был вообще бесплатно, а борщ или суп стоил копеек пять или восемь. Студентам выдавали талоны, кто-то один из компании прорывался к раздаче, протягивал несколько талонов и получал на всех этот суп за пятак, а ребята дополняли рацион хлебом с горчицей.

Именно во времена учебы в институте я столкнулся с оголтелой советской показухой. Однажды в январе 1960-го года, на лекции во втором корпусе, что находился на Ленина, напротив гостиницы «Сибирь», мы увидели из окон странную картину. Окна на втором этаже были высокие и широкие, здание было дореволюционное, принадлежало, говорят, Иркутскому отделению Госбанка России. Видимость через эти окна была отличная. Большая куча строителей лихорадочно устанавливала по всему фасаду леса. В течение дня леса были установлены, на них разместились рабочие по три-четыре на квадратный метр, было впечатление, что дело происходит в Китае, где, как известно, людей – как муравьев. За неделю фасад был затерт, покрашен, рамы заменили, двери тоже, и вывеску сделали «Отель Сибирь» на английском языке. Как выяснилось, гостей Иркутска выселили, все внутри отремонтировали, что-то заменили, что-то подновили. Словом, постарались приблизить этот «ГОТЕЛЬ» к заграничному виду. И тогда мы узнали, что Иркутск затрясло от грандиозного события: к нам едет Президент Америки Эйзенхауэр. Где-то в мае должен удостоить своим вниманием.

В начале января из ЦК партии сообщили партийному руководству Иркутска об этом визите. У тех, естественно, началась паника, и они впали в ступор. Но их успокоили, пообещав исполнить все пожелания и запросы специально созданного штаба по приему Его Превосходительства Президента США на гостеприимной сибирской земле. Вскоре понаехали представители партии, строители, архитекторы и, конечно, КГБшники из Москвы и, слившись в экстазе с местными властями, создали этот штаб.

Задача была очень трудная, прямо скажем, грандиозная. Надо было старый, преимущественно деревянный, сильно обветшавший купеческий город превратить в современный процветающий областной центр победившего социализма. Ну, пусть не весь, но хотя бы по маршруту и местам проживания Президента, его свиты и журналистов. И, кроме того, Хрущев, желая похвастаться достижениями, хотел показать только что пущенную в эксплуатацию Иркутскую ГЭС. Ну, естественно, и Байкал, эту настоящую жемчужину Сибири.

В то время дорога на Байкал до Листвянки была грунтовая, с обычными ямами и колдобинами, ее требовалось срочно покрыть асфальтом. Из Москвы прибыли дорожники с целым парком новейшей техники, соединились с местными кадрами, и две бригады из Иркутска и из Листвянки пошли прокладывать трассу навстречу друг другу. Работа кипела даже по ночам, думаю, что на эту новую федеральную трассу длиной 70 километров труди-

лись все асфальтовые заводы в округе. И дорога, ровная и красивая, была создана за четыре месяца. Правда, через год половина этой дороги усела, потрескалась и разрушилась, но это через год. Потом ее много раз латали, но сейчас, говорят, довели до ума.

На Байкале, в Листвянке построили два деревянных дома для Эйзенхауэра и Хрущева, вдруг эти Великие захотят отдохнуть или переночевать на берегу. В коттедже Эйзенхауэра были установлены мебельные гарнитуры из Англии и из Риги красного дерева, ковры, люстры, и даже немецкий рояль. И теплая ванна, и клозет с подогретым полом. Ну, прям Америка с Европой! А для сопровождающих этих деятелей людей были сооружены пять деревянных корпусов.

Там, на Байкале, было здание Лимнологического института. Довольно затрапезное, но ничего еще. А вот туалет для сотрудников института был типично советский – дырка в бетонном полу. Возник вопрос. Что делать, если кого-то из делегатов прижмет во время визита в институт? Сортир решили закрыть, а рядом построить здание с современными туалетами. Теперь ученые могли радостно поздравлять друг друга: « С облегчением вас, дорогой коллега!»

Отель «Сибирь» предназначался для дипломатов и членов команды президента и генсека. Но возникла задача – где сделать резиденцию Эйзенхауэра? Архитекторы, партийные деятели и КГБшники бродили по центральным улицам и набрали на небольшой красивый дом по улице Карла Маркса, 3. В доме этом, рядом с бывшей резиденцией Генерал-губернатора (ныне – фундаментальная библиотека Университета) мирно проживали преподаватели этого самого Университета. Они были сильно озадачены и испуганы, когда к ним явились всякие важные лица. В результате все преподаватели были выселены из этого здания, им дали квартиры (думаю, что в «хрущевках»), а в этом старом дореволюционном доме начали воздвигать Резиденцию. Какая же столица края или области в СССР без Резиденции?

В доме начался капитальный ремонт с перепланировкой, были увеличены оконные проемы и установлены современные рамы. В Москву отправилась делегация иркутских архитекторов и хозяйственников закупать мебель и всякую начинку для этой витрины Советских достижений. Поскольку для делегации был дан карт-бланш, они закупали все самое дорогое и эксклюзивное – мебель, люстры, статуэтки, бра и ковры, настоящие туркменские, среди которых был уникальный ковер на весь зал восемь на десять метров. И, конечно, настоящий немецкий рояль. Вдруг кто-то захочет помузицировать или послушать знаменитого пианиста. Надо будет – вмиг доставим самолетом хоть Гилельса, хоть Рихтера. А вокруг дома высадили деревья, среди которых даже голубые ели, как в Кремле. И все обнесли красивым забором, и будку охранника поставили у ворот. Мы ходили, смотрели сквозь решетку забора и все гадали, что же там внутри? Слухи ходили самые невероятные.

Оставалась большая группа журналистов, которых тоже надо было обеспечить жильем. Нашли студенческое общежитие на углу Красной Звез-

ды и Горького, студентов расселили, кого куда, история умалчивает, и в этом здании тоже приготовили номера для прессы.

На улицах, по которым могли шествовать высокие гости, работа кипела в полную силу. Маршрут из аэропорта до Карла Маркса пролегал по нашей Декабрьских Событий, мимо нашего дома, поэтому я каждый день наблюдал все лихорадочные приготовления к этому визиту. Улица наша была мощена булыжником, который частично выщербился, частично с годами ушел под землю, все было неровно и создавало тряску. Было решено заасфальтировать всю Декабрьских Событий до Карла Маркса. Я помню, как одни выковыривали булыжники, другие ровняли и укатывали песок с гравием, поливали его жидким гудроном, а потом приезжали самосвалы с асфальтом, его разбрасывали лопатами и укатывали катком. Большие бочки на колесах с гудроном оставляли на ночь на улице, и асфальтовые катки тоже. Фонарей было мало, да и те временно отключили, собирались проложить новую электросеть для новых фонарей.

Однажды вечером мы в доме вздрогнули от грохота. Выскочили на улицу, увидели, что в угол нашего дома врезался «Виллис», разбил у соседей окно и отломал доски обшивки. За рулем сидел мужик, пьяный в стельку, и не понимал, что мы от него хотим. Случайный свидетель рассказал, что этот на «Виллисе» летел с горы, как сумасшедший, стукнулся о гудроновую бочку, отлетел назад и, круто повернув налево, врезался в ваш дом. Мы стали орать на него, почему он такой бухой сел за руль, мог бы кого-нибудь убить вообще, и кто будет ремонтировать окно и обшивку. Водитель долго вникал, потом вдруг разозлился и громко произнес: «Хрен вам, а не ремонт. Я ехал...это... правильно, по своей стороне, а он сам на меня наехал. Вот пусть он и ремонти-ро-ваает!» И завелся, газанул и рванул дальше. Мы не знали, плакать или смеяться. А потом ЖЭК отремонтировал все. Как обычно, кое-как.

Помните, городничий в «Ревизоре» устраивал перед ревизией показуху? Старые ветхие строения рушил, обносил забором и делал видимость бурного строительства. Полтора века прошло, а ничего не изменилось. На нашей улице покосившиеся дома закрыли заборами, заборы покрасили. На углу нашей улицы и Ямской было старое небольшое каменное строение, в котором была керосиновая лавка. Я пацаном бегал туда за керосином. Керосин был в списке товаров первой необходимости. Электричество отключали каждый вечер, тогда зажигали керосиновые лампы, и готовили также на керосинке или примусе. Кроме пацанов, вроде меня или домохозяек, в этой лавке терлись вечно небритые мужики, а иногда и бабы неопределенного возраста, опухшие и злые. Дело в том, что в этой лавке кроме керосина продавали денатурат, этиловый спирт с небольшими добавками метилового спирта, красителя и какой-то горькой гадости, чтобы люди этот продукт не пили по причине вредности и противности. Называлась эта сизая жидкость в народе «гамыра», стоила в пятнадцать раз меньше чистого спирта, и предназначалась только для технических нужд. Но некоторая часть народа, привлеченная дешевизной и отрубаяющим действием, употребляла этот продукт

внутри. На этих алкашей было страшно смотреть. Поскольку статистика по-малкивала про количество смертей от этого зелья, то многие посетители керосиновой лавки были уверены, что «гамыра» – это вещь!

Потом керосиновую лавку прикрыли, а в этом помещении появился бакалейный магазинчик. Долго еще можно было уловить в торговом зале керосиновый и гамырный дух. Дом этот со временем облупился, выглядел ужасно, но его не трогали, собирались, вероятно, снести. И вдруг люди увидели, как он буквально засиял от ярких красок, от красивых каменных наличников. Мне сосед сказал, как здорово отремонтировали эту бывшую керосинку. При этом он как-то неопределенно усмехался. Я пошел посмотреть. Оказалось, что фасад был сделан из фанеры, с нарисованными наличниками, красивой кладкой по углам, а над дверью красивая вывеска. Видимо, у ЖЭКа не было средств или времени сделать настоящий ремонт, вот изобразили декорацию. Постепенно весь маршрут дорогого гостя превратился в декорацию.

Удачно «подгадали» к визиту со строительством Дома Советов на площади Кирова. Его начали строить в 49-м году, строительство шло долго и нудно. Он долго зиял слепыми глазницами окон, в пустых замусоренных комнатах кучковались разные алкаши, бомжи и прочие темные личности. А в 1959-м году вдруг дом этот закончили, отделали, и в него поселились Партия, Комсомол, Исполком и возможно, Профсоюз. Но площадь была пустой и неухоженной. Было решено к приезду Президента разбить там сквер. Ну, как обычно, согнали работников Горзеленхоза, разных специалистов по ландшафту, и нас, студентов, тоже – и работа закипела. Сажали деревья, кустарник, создавали клумбы и дорожки, словом, срочно стряпали достойный центр города. Потом вдруг огородили центр этого сквера, и пронеслась радостная весть, что специально для Иркутска изготовили фонтан. И действительно, большой и красивый чугунный фонтан был установлен.

Потом, через много лет я узнал, что этот фонтан был изготовлен, мягко выражаясь, не совсем для Иркутска. Один московский скульптор, уроженец Курска, отлил этот великолепный фонтан для своей малой родины. Иркутская группа, промышленявшая в Москве, и которой был выдан карт-бланш, закупала всякую всячину для помещений и гостиниц, и немного обнаглела. И когда они обнаружили в мастерской этого скульптора готовый фонтан, они, естественно, стали требовать это произведение для украшения центра города Иркутска. Разрешение было получено, но автор стоял насмерть. Он надеялся сделать подарок своим землякам, а тут такой облом. И он поставил условие, что подпишет бумаги, если согласится Министр Metallургии, который в свое время разрешил изготовить этот фонтан для Курска.

И тогда иркутяне решились на авантюру во благо родного города. Одна молодая архитекторша из иркутской группы позвонила этому упорному автору, представилась секретаршей Министра и сказала, что с ним сейчас будет говорить ее шеф. Бывалый мужчина, наверное, тоже начальник в Иркутске, от лица министра выразил согласие на установку фонтана в этом славном сибирском городе накануне исторического визита Президента США.

Назавтра документы были подписаны, и фонтан, действительное украшение Иркутска на долгие годы, отбыл на восток.

Вот эта эпопея с подготовкой визита Эйзенхауэра показала нам, молодым, всю показуху и лицемерие власти. Ей, этой власти, даже в голову бы не пришло что-то сделать, улучшить или изменить в городе, если бы не визит и не решение Хрущева показать гостю, как процветает при социализме далекая Сибирь.

А визит этот не состоялся, потому что 1-го Мая был сбит американский самолет-разведчик над Свердловском, был большой международный скандал, и сближения с Америкой не произошло. Зато в Иркутске появилось несколько заасфальтированных улиц, отремонтированная гостиница и санаторий на Байкале. И резиденция, в которой было не стыдно принимать высоких иностранных гостей, довольно часто посещавших наш город. И знаменитый фонтан, который, впрочем, включили только через год, в 61-ом.

Поскольку база была создана, Иркутск попал в перечень мест, куда следовало возить почетных и важных иностранцев. И они стали появляться, принося дополнительный мандраж и головную боль руководству области. И потянулись в столицу Восточной Сибири бесконечной чередой делегации всяких коммунистических и рабочих партий, руководители соцстран и дружественных государств. До ста делегаций в год, между прочим. Правда, вначале их было сравнительно немного. Руководство организовывало восторженную встречу. Вдоль маршрута расставлялись студенты с флажками страны гостя, еще для массовости сгоняли делегации трудовых коллективов, и вот эта толпа долго, иногда по четыре-пять часов ожидала дорогого и любимого руководителя компартий Комбоджи, Пакистана, Индии и Чили. Впрочем, руководителей близких братских партий и государств, разных ГДР, Монголии, Югославии, Финляндии и Польши встречали без помпезности, тихо увозили в Братск, на Байкал, кормили, поили и так же тихо проводжали. В городе кормили в ресторане «Арктика», где был тщательно проверенный персонал, и все были коммунистами. Мало ли что может приготовить беспартийный и не проверенный сотрудниками КГБ человек? Подмешает чего-нибудь – и все, международный скандал. То же было и в санатории «Байкал», и на других базах. При этом, надо отметить, что если делегация планировала осесть в санатории «Байкал», то местных отдыхающих вежливо прогоняли, а все помещения тщательно облизывали славные представители КГБ.

Мне пришлось участвовать в нескольких таких мероприятиях в качестве восторженного горожанина, это была сплошная обязаловка, и встречи эти почти не запомнились. Но одна встреча запомнилась надолго. 11 мая 1963-го года Иркутск посетил Фидель Кастро!

Я почему поставил восклицательный знак? А потому, что применительно к Фиделю в то время без восклицательного знака было нельзя. Он, такой brutальный, высокий, бородатый, с римским профилем, красавец, весь в романтическом ореоле освободителя несчастного кубинского народа, пользовался безграничной любовью всего советского народа, а уж женщин,

молодых и не очень, просто вгонял в транс. Подозреваю, что некоторые из них хранили его портреты, может быть, тайком их целовали и клали на ночь под подушку. Короче, в городе начался переполох.

Так получилось, что этот визит принес лично мне некоторые неудобства. Восьмого мая у меня родился сын, в роддоме на 8-й Советской. Я побежал за цветами в теплицы Горзеленхоза, на улице нашей Декабристских Событий, на месте, где теперь площадь Декабристов. Дело в том, что главным, так сказать, агрономом в этих теплицах была Татьяна Яковлевна Аржакова, мать моего друга Василия. И уж для меня она бы срезала лучшие цветы, я не сомневался.

Тут самое время рассказать о нашей тесной компании друзей, с которыми прошла вся моя юность. Нас было шестеро. Иногда в нашу компанию вливался кто-то еще, но потом как-то так получалось, что этот новый уходил в сторону, а мы оставались вместе в прежнем составе. Кроме меня, там был упомянутый Василий, Борис, сын близких друзей моих родителей, Лева и Володя, двоюродные братья Бориса, и Миша, с которым мы проучились в одном классе десять лет. Дружили мы с детства, знали друг друга лучше, чем наши родители, и никогда не ссорились. Мы часто собирались в одной закрытой теплице, где было помещение с печкой, отделенное капитальной стеной, и в это помещение практически никто не заходил. Это был наш клуб. Мы натащили в этот клуб стулья, пару старых диванов, и даже повесили гамак. Кто-то предложил мне для оживления интерьера разрисовать печку. Я взял акварельные краски, нарисовал во всю печку голую тетку с арбузными грудями, широкими бедрами, лежавшую в неге на траве, за ней кусты и двух мужиков, подглядывающих за этой теткой с выпученными глазами из-за этих кустов. И происходило это в пятьдесят втором году. Ребята шумно одобрили это художественное произведение, но Васька сказал:

– Не, не пойдет. Мать увидит, будет скандал. Ты ее прикрой как-нибудь.

Я сделал прозрачную накидку на бурную растительность в районе известного треугольника, и мы посчитали, что все в порядке. Эта тетка пролежала на траве пару лет, мы к ней привыкли и не замечали. Но тут в теплицы нагрянула комиссия из руководства Зеленхоза, и директор теплиц, важный крикливый товарищ Райцис, повел эту комиссию в сопровождении с тетей Таней, Васькиной матерью. И они набрели на наш клуб, увидели эту тетку, недовольно указали товарищу Райцису на похабщину и моральное разложение, чем повергли его в настоящий ужас. Когда они ушли, Райцис накинулся на тетю Таню, та пообещала разобраться с этим Васькой, будьте спокойны, он получит, как следует. Васька получил серьезную взбучку, и на вопрос, кто это нарисовал, уверенно ответил, что это его работа.

Тетя Таня и Васькина сестра Шура долго смеялись, потому что знали, что Васька не нарисует даже ведро. Тетя Таня сказала:

– Ладно, скажи этому твоему кучерявому, если еще раз увижу, что он голых баб рисует – на порог не пущу. Так и передай! Сейчас идите все, и забелите эту похабщину. – И мы все забелили. А если бы я стал знаменитым

художником, то эта первая настенная роспись вместе с печкой экспонировалась бы в Иркутском Художественном музее...

Так вот. Кинулся я в теплицы за цветами, а там полный облом. В связи с предстоящим визитом Фиделя, а ждали его девятого числа, партия, комсомол и профсоюз вместе с исполкомом срезали все цветы. Я такого никогда не видел. Были срезаны действительно все цветы, даже только-только начинавшиеся бутоны. Лишь саженцы оставила эта саранча. Тетя Таня позвонила своим знакомым в пару ведомственных теплиц, но там тоже все подчистили под ноль.

Расстроенный, шел я по городу, и встретил друга моего институтского Вадика, поделился радостью про сына, и рассказал о проблеме с цветами.

– Пошли ко мне, у меня батя приехал с Выдрино, притащил целую охапку подснежников. Там на Байкале они сиреневые и высокие, красивые такие, мохнатые, привезешь Женьке своей. Сын – это здорово!

На столе лежала гора копченых хариусов, отдельно в тазу десятка два соленых омулей, и в ведре действительно большая охапка подснежников. Вадькин отец, слегка уже принявший на грудь, обрадовался новости о рождении моего наследника, и предложил отметить это радостное событие. Ну, естественно, под хариус и омуль мы наотмечались. Потом Вадькин отец вручил нам банку с водой, воткнул туда подснежники и погнал к роддому, поздравить жену мою.

Как мы ехали в трамвае с этой банкой, из которой изредка выплескивалась вода на пассажиров – это особая история. Я покачнулся при торможении трамвая и немного обмочил стоящую рядом пожилую женщину. Та, учуяв мое не совсем трезвое состояние, очень громко возмутилась. Вадька пришел на помощь: «Гражданка, так у него сын родился, в родилку едем, ну, поддал на радостях малость, такое событие. Он ведь случайно, вон водитель тормозит, как дрова везет!»

Женщина посветлела лицом, стала меня поздравлять, и другие тоже, и даже освободили место, чтобы я мог довести эти подснежники. Но оказалось, что эти нежные цветы совершенно не живут в сорванном состоянии. И когда мы вышли из трамвая и направились к роддому, то увидели, как бедные подснежники поникли, и их оставалось только выбросить. И жена моя увидела через окно меня и Вадима без цветов, но зато прилично навеселе. И потом лет десять при случае или без случая укоряла меня за тот прокол. Мне было стыдно, но я в душе обвинял во всем только Фиделя Кастро.

Фидель прибыл утром 11-го мая. Это был единственный случай, когда студенты сами рвались на встречу со своим кумиром. Я попросился на участок рядом со своим домом на Декабрьских Событий. И вот мы, огромная толпа людей с флажками Кубы и СССР, рассредоточенная вдоль всего пути кортежа, стоим и ждем. Через каждые метров пятьдесят милиционеры и разные деятели в штатском с повязками на рукавах. Следят, чтобы никто не перебежал по улице, и за порядком, и вообще следят. Как можно, чтобы люди были сами по себе, без надзора? Ведь не Франция какая-то, прости Господи.

Ждали долго. Фиделю в аэропорту устроили грандиозный прием. Местный поэт Марк Сергеев написал оду, которую поручили прочесть председателю Горисполкома, обладавшему зычным командирским голосом. Обалдевшие от счастья дамы первых лиц города засыпали Фиделя и его спутников цветами, отнятыми у меня, было произнесено много слов, и даже сам растроганный Кастро разразился большой длинной речью. Кстати, потом мы узнали, что пламенный Фидель мог по нескольку часов без остановки вещать своему народу про светлое будущее и про коварство Америки.

Люди начинали подмерзать, стали бегать в ближайšie дворы для облегчения, благо тогда все удобства были во дворах. Мне было хорошо, я периодически бегал домой, чайку попить и погреться. Май, особенно в начале месяца, не очень еще теплый в Сибири.

Наконец появилась милицейская «Волга» с репродуктором на крыше, она оповещала, что скоро появится кортеж и призывала освободить проезжую часть и соблюдать порядок. А потом с горы появился кортеж, по мере приближения к нам приближался и восторженный рев толпы. И, наконец, наступил этот великий миг, когда головная открытая «Чайка», в которой стоял великолепный Фидель и руководители города и области, поравнялась с нами. И обезумевшая толпа ринулась к машине, и понесла меня, и едва не вдавила в сверкающий бок этого правительственного автомобиля. Я увидел Кастро в метре от себя, но радость омрачилась страхом быть придавленным к лакированной дверце этой великолепной «Чайки».

Потом все побежали за последней машиной кортежа, и я с удивлением увидел, что по улице бегут все, мимо которых Фидель проехал раньше. Вся улица, насколько хватало глаз, было запружена бегущими вслед за Фиделем людьми. Был слух, что возле Резиденции на Карла Маркса будет митинг, и там выступит сам Фидель. Вот люди и побежали послушать своего кумира. Я тоже побежал, но вскоре остановился и вернулся домой. А огромная толпа простояла возле Резиденции, потом вышел какой-то представитель и сообщил, что митинга никто не планировал, Фидель устал, и все, товарищи, «кина не будет». И разочарованная толпа рассосалась.

Вечером, как сообщала пресса, Кастро отбыл в Листвянку, утром ему устроили рыбалку, но была сильная волна, рыбалки не получилось. «Случайно» на берегу оказались рыбаки, хариус, омуль на рожне, закусон, выпивон – словом, пикничок. А потом также «случайно» набрел на компанию молодой охотовед с двухмесячным медвежонком. Узнав в одном из компании Фиделя, он очень обрадовался и от чистого сибирского сердца подарил ему этого зверя. Фидель тоже обрадовался и тут же назвал его «Байкал». И получил качественный инструктаж, как содержать медвежонка. Правда, потом писали, что сибирский зверь не смог акклиматизироваться и вскоре в зоопарке закончил свое земное существование.

А Фидель потом поехал в Братск. По пути, на станции Зима восторженная публика перекрыла Транс-Сибирскую магистраль, поезд остановился и Фидель вынужден был выйти и пообщаться со своими фанатами.

Сколько валерьянки выпили КГБшники, и какие выводы были сделаны в адрес Зиминского руководства, история умалчивает.

Потом был Братск, застолье, речи о великой и нерушимой дружбе. Улетая в Москву, совершенно размягший от такого приема Фидель выразил восхищение Сибирью и сибиряками. Правда, как записал один очевидец в своих воспоминаниях, Фидель заметил: «Очень много едите и пьете». Было видно, что он не прошел суровую школу советского руководителя.

В декабре прибыл с супругой принц Комбоджи Сианук. Было холодно, нас выгнали на улицу возле института на Ленина, он вышел из гостиницы Сибирь, мы вежливо помахали флажками. Принц, очевидно, страдал от холода, на нем была шапка-ушанка не по размеру, полубух, супруга вообще закутана до глаз. В глазах принца читалось: «И когда это кончится?» В наших глазах, полагаю, читалось то же самое. Больше я ни в каких встречах не участвовал, хотя был и Хрущев, и Тито, и Индира Ганди, и все руководители Соцстран, но все это не шло ни в какое сравнение с тем провинциальным купеческим размахом и искренним восторгом трудящихся при встрече делегации Острова Свободы...

Летом 61-го года намечалось грандиозное событие – празднование 300-летия основания Иркутского острога, давшего начало нашему городу. Среди всяких мероприятий решено было провести на стадионе концерт-спектакль с привлечением местных и приглашенных артистов, солдат, студентов и спортсменов. Был приглашен из Москвы знаменитый сценарист зрелищных мероприятий, который, кроме всего прочего, решил создать огромный сводный хор из студентов. Этот хор должен был исполнить несколько патриотических песен о Ленине, Революции, Великих наших победах.

Естественно, пригласили из столицы знаменитого хормейстера. И вот однажды на кафедре мы прочли объявление, что все студенты приглашаются в амфитеатр, на встречу с хормейстером из Москвы, Народным, трижды Заслуженным, Лауреатом, Всемирно известным, фамилию забыл. Что-то вроде Рождественского. И главное: явка ОБЯЗАТЕЛЬНА!

И вот мы сидим в амфитеатре, все электрики, и маркшейдеры, и девочки из обогатителей, и будущие горные инженеры, ждем, что будет. Появляется высокий нервный человек, начинает нам рассказывать о празднике, о сводном хоре, обещает всем раздать тексты песен. Тут влезает один деятель институтский и предупреждает, что участие наше не добровольное, а наоборот, и что игнорирование может привести к серьезным осложнениям в учебном процессе. Мы его поняли.

Потом маэстро решил определить, кто будет петь первым голосом, кто вторым. Он заставлял петь одну ноту, потом другую октавой ниже, потом еще как-то экспериментировал. Мы, в массе своей, были отвратительными певцами. Он нервничал, потом все же разделил нас на условных теноров и баритонов, и мы пошли учить слова. Вообще эта ситуация напомнила мне анекдот, когда в армии решили создать хор. Там тоже хормейстер бился над задачей разделить солдат по голосам. Старшина посмотрел на его мучения,

заорал солдатам: «Смирно! На первый-второй рассчитайся! Ну, вот, товарищ, первые будут петь первым голосом, а вторые – вторым».

Мы месяц долбили эти песни. Думаю, что звучали мы чудовищно. Ситуацию несколько смягчали девушки, все-таки они от природы певуны. Многие из нас только подпевали слегка, чтобы не наносить травму абсолютному слуху нашего Народного, Заслуженного лауреата. На генеральной репетиции мы спели с энтузиазмом весь репертуар, в глазах хормейстера была тоска. Нам приказали явиться к стадиону в белых рубашках и темных брюках, и девушкам тоже белый верх – темный низ. На репетицию.

И вот утром мы потянулись к стадиону «Труд». А там увидели, что собирается большая толпа студентов других ВУЗов, техникумов, училищ, в которых тоже репетировали быстро сколоченные хоры. Потом нас запустили на поле стадиона, расставили рядами, кого на траве, кого на лавках, Лауреат Рождественский забрался на металлическую конструкцию, включили фонограмму оркестра. И мы запели. Наверное, это было кошмарно. Бедный маэстро сорвал голос, метался по своему помосту, как тигр в клетке, но выпускать в таком качестве сводный хор коммунистической молодежи было невозможно. Потом кто-то предложил маэстро включить фонограмму этих песен в исполнении Государственного хора радиокомитета, а мы под фонограмму, как получится. Между прочим, тогда «под фанеру» никто не пел. Все-таки маэстро попробовал одну песню, стало понятно, что это поют профессионалы, он дал отмашку, и нас отпустили на все четыре стороны. Столько было потрачено времени, но грандиозного хора не получилось, и мы не сумели продемонстрировать свой молодой восторженный задор и радость от наших свершений и побед.

А на празднике я был, и сидел на трибуне. Все-таки для Иркутска это было грандиозным событием. Сначала появился броневи́к, на нем Ленин с протянутой к коммунизму рукой. Изображать вождя поручили приглашенному из Ленинграда артисту. Среди местных, видимо, достойного не нашлось. За ним бежала орущая толпа рабочих, матросов и солдат. Это была встреча на Финляндском вокзале в апреле 1917 года. Затем приехала Аврора, в центре она остановилась и сделала свой исторический залп в сторону Зимнего Дворца. Поскольку оружие было картонным, то залп был выполнен чем-то вроде новогодней хлопушки, жиденький получился выстрел, не достойный Великой Революции. Потом началась Гражданская война с участием Сергея Лазо. Участников изображали студенты-старшекурсники нашего политеха и работники слюдафабрики. Кто был красным, а кто белым, я не знаю. Потом красные победили, а дальше началась Великая Отечественная Война. Тут уж отличились солдаты Иркутского гарнизона под командованием Белобородова. Война закончилась, проехал Воин – Освободитель со спасенной девочкой на руках, и началась гражданская демонстрация. Поехал грузовик слюдафабрики с передовиками, за ними огромный чайник чаепрессовочной фабрики со своими ударниками, еще кто-то. И все время дикторы, подражая московским, объясняли, что происходит, провозглашали лозунги и здравицы, звучали марши, светило солнце. Все было прекрасно!

Великим событием стал начавшийся после концерт. Приехало пятьдесят артистов, и среди них архипопулярные, такие, как Ладынина, Столяров, Трошин – много их было, всех не запомнил. Их подвозили к микрофону в открытом автомобиле, они произносили монолог из фильма, поздравляли славных Сибиряков, и под бешеные овации уезжали. Закончил концерт Трошин, спевший «Подмосковные вечера» Публика была в совершеннейшем восторге.

А вечером был салют на острове Любви. Это было действительно нечто! Салют я видел впервые в жизни...

While We Were Young (Excerpts of memoirs)

S. A. Arbitman

Abstract. S. A. Arbitman wrote several biographical works like “What is past, is past”, “Sasha, Sashenka, Alexander”. The excerpts, included in the article, are taken from S. A. Arbitman’s biographical memoirs “While We Were Young”, which cover the author’s studentship, spent in Irkutsk in the late 1950s – the early 1960s.

Keywords: Irkutsk, memoirs, Metallurgical Institute, studentship

Арбитман Соломон Абрамович
Израиль, e-mail: arsol@inbox.ru

Arbitman Solomon Abramovich
Israel, e-mail: arsol@inbox.ru